

9(с) 14

Т 70

Академия наук СССР

Институт истории СССР

С. М. ТРОИЦКИЙ

Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.

ФОРМИРОВАНИЕ БЮРОКРАТИИ

Издательство «Наука»

Москва

1974

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА РН. Н. Н. ЧРУБКОМ

продвижения по лестнице чинов обер-офицеры, ссылаясь на манифест 18 февраля 1762 г., выходили в отставку, получали очередной ранг, а затем снова возвращались на государственную службу. Особенно много таких нарушений правительственные указы было среди приказных людей губернских, провинциальных и городовых канцелярий. Поэтому, чтобы помешать представителям «красивого семени» обгонять в чинах своих собратьев, Сенат в 1763 г. издал специальный указ «О неопределении к делам отставленных канцеляристов с чинами регистраторов без сенатского указа»⁸³.

2. Манифест о вольности дворянства и дальнейшая бюрократизация государственного аппарата

Важнейшим этапом в истории бюрократии в России явилось издание правительством Петра III 18 февраля 1762 г. манифеста о вольности дворянства, отменявшего обязательный характер военной и гражданской службы для представителей класса феодалов. Он оказал значительное влияние на правительственное законодательство об организации службы чиновничества и изменениях его социального состава, способствуя притоку разночинцев в государственный аппарат. История издания манифеста о вольности дворянства и его значение для дальнейших судеб правящего класса в России довольно полно освещены в литературе⁸⁴.

Отмена обязательного характера государственной службы для дворян была подготовлена всем ходом социально-экономического и политического развития России в первой половине XVIII в. В связи с ростом товарно-денежного хозяйства и постепенным вызреванием буржуазных отношений усилился процесс консолидации господствующего класса феодалов в единое привилегированное сословие. В этот период возросла роль дворянства в экономической и политической жизни страны. Шляхетство стало настойчиво добиваться от абсолютной монархии юридического закрепления своих сословных привилегий, в частности освобождения от такой повинности, как обязательная государственная служба, которая мешала их хозяйственным устремлениям в новых экономических условиях.

Путешествие абсолютизма в первой четверти XVIII в. сопровождалось увеличением служебного бремени для дворянского сословия: военная и гражданская служба дополнились новой обязан-

⁸³ ПСЗ, т. XVI, № 11767.

⁸⁴ А. Романович-Славянский. Указ. соч., особенно стр. 185—213; М. Яблочков. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; С. А. Корф. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906; Г. В. Вернадский. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754—1758 гг.—«Историческое обозрение», 1915, т. XX; Н. Л. Рубинштейн. Уложение комиссии 1754—1756 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще».—«Исторические записки», т. 38. М., 1951; и др.

ностью — учебой. Создание постоянной армии и расширение сети центральных и местных учреждений сделало для него более тяжелой и регулярной государственную службу. В то же время замена в 1714 г. поместного жалованья денежным сделала менее привлекательной для дворян службу государству, тем более что оно выплачивалось весьма нерегулярно в связи с хроническим дефицитом в бюджете России в первой половине XVIII в. Поэтому шляхетство использовало самые различные способы, чтобы избежать тяжелой обязанности. В первой половине XVIII в. правительство много раз издавало указы о строгом наказании уклонявшихся от государственной службы дворян и не являвшихся на смотры,плоть до конфискации их владений, ссылки в Сибирь, пожизненной отдачи в солдаты, но эти репрессии не давали нужного результата⁶⁵.

Во время событий 1730 г. авторы дворянских проектов требовали от самодержавия сокращения до 20—25 лет государственной службы, создания для детей шляхты специальных учебных заведений, зачисления дворян на службу в армию офицерами, прекращения принудительной записи в матросы и обучения ремеслам, регулярной выплаты жалованья, а также отмены указа о единонаследии⁶⁶. Среди дворян было много недовольных также и тем, что им приходилось начинать службу с низших чинов и тратить много лет, прежде чем удастся достичь «степеней известных». Отзвук подобных настроений «благородного» сословия чувствуется не только в шляхетских проектах государственных реформ 1730 г., но и в начале XIX в., в «Размышлениях о государственном устройстве империи» М. М. Сперанского. Отмечая рост «самовластия» монарха в XVIII столетии, что якобы отдало его от народа, т. е. от дворян, он писал: «Не четырнадцать ли раз каждый дворянин, переходя из класса в класс, чувствует на себе силу неограниченной власти и не четырнадцать ли раз, привязываясь к сей поле, отторгается от народа?»⁶⁷

Абсолютная монархия была вынуждена учесть значительную часть требований основной массы дворянства, являвшегося ее социальной опорой. В 1731 г. правительство Анны Ивановны отменило указ о единонаследии и учредило Кадетский корпус для обучения детей шляхетства военным и гражданским наукам. В 30-х годах XVIII в. последовала целая серия указов государства, которые свидетельствовали об известном изменении правительственной политики в отношении учебы дворян: если ранее уклонение от записи в школы рассматривалось как отказ от службы и строго каралось, то теперь государство разрешило шляхетству домашнее обучение детей.

Созданная в 1731 г. Воинская комиссия намечала сократить до 25 лет службу дворян в армии, причем тот, кто поставит в ки-

⁶⁵ А. Родионович-Словягинский. Указ. соч., стр. 118—138.

⁶⁶ Л. А. Корсаков. Указ. соч., стр. 161, 172, 177.

⁶⁷ М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.—Л., 1961, стр. 65.

расирские полки солдата с лошадью и полным снаряжением, мог уйти в отставку после шести лет пребывания в армии. За поставку двух таких солдат дворянин следовало совсем освобождать от службы. Однако подобное предложение, ослабившее армию и ущемившее интересы всего государства, не было утверждено Сенатом, в котором еще находились сподвижники Петра I. К тому же от такой реформы выиграла бы лишь немногочисленная верхушка класса феодалов, а все бремя военной службы осталось бы на плечах мелкого дворянства. Пойти с ним на конфликт после событий 1730 г. правительство Анны Ивановны, естественно, не могло. Отклонив предложение Воинской комиссии, Сенат писал: «Знатного шляхетства дети, которые за собою деревень, также и позитику имеют довольноное число, никогда волею своей в службу не пойдут, но с охотой будут давать вместо себя людей и лошадей с убором, а сами будут жить дома во всякой праздности и лености и добрых наук и обхождения». Более состоятельные дворяне будут служить по 6 лет, «а до тех урочных лет (т. е. 25 лет.—*C. T.*) в службе разве только одни такие будут, которые самые убогие и от такой службы откупиться будет нечем»²². В 1736 г. Анна Ивановна издала манифест (введен в действие по окончании русско-турецкой войны), по которому срок обязательной службы в армии для шляхетства сокращался до 25 лет для всех дворян, которые получили также право оставлять одного сына для присмотра за хозяйством, выставляя вместо него рекрута²³.

Государство не отменило обязательности дворянской службы, но все грозные указы правительства о выполнении этого требования не достигали и не могли достигнуть ожидаемого эффекта. Дело в том, что дворянское государство не могло в сколько-нибудь широких размерах применить массовые репрессии против представителей «благородного» сословия. Напротив, сам Сенат, как это известно из его доклада Елизавете Петровне от 23 ноября 1751 г., не раз предлагал объявить прощение нетчикам, что ею и утверждалось. Так, в 1743—1750 гг. в Петербурге и в Москве в Сенате и Герольдмейстерской конторе на смотрах было 8753 дворянских недоросли. Из них за уклонение от своевременной явки для записи в службу 725 чел. было решено «извечично» определить в солдаты, 58 — в матросы и 18 — на поселение в Оренбург, итого 801 чел., или 9,1%. Однако действительно наказали лишь 92 чел., остальные получили прощение по ходатайству Сената²⁴.

Как показал Н. Л. Рубинштейн, манифест 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» явился результатом частичной реализации той программы сословных требований дворянства, которая была подготовлена в пос-

²² Н. Глиногубый. Указ. соч., стр. 272.

²³ ПСЗ, т. IX, № 7142; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.» М., 1957, стр. 85—89.

²⁴ ЦГАДА, Госархив, XVI р., кн. 231, лл. 1—16, 597—598 об.

последние годы правления Елизаветы Петровны, в связи с деятельностью Уложенной комиссии. Острая борьба между представителями двух группировок в привычных кругах — братьев П. И. и А. И. Шуваловых, предлагавших для укрепления экономических и политических позиций дворян некоторые меры, учитывающие интересы формирующейся буржуазии, и братьев М. И. и Р. И. Воронцовых, отстаивавших политику узкодворянских привилегий, привела к тому, что при издании манифеста 18 февраля 1762 г. в него вошли лишь те предложения Воронцовых, которые предусматривали освобождение дворян от обязательной государственной службы. Остальные пункты о предоставлении дворянству широких привилегий в области промышленности и торговли, ущемлявшие интересы купцов и мануфактурристов, в этот закон не были включены из-за противодействия влиятельных при Петре III сановников — генерал-прокурора Сената А. И. Глебова и Д. В. Волкова, являвшихся сторонниками курса П. И. Шувалова во внутренней политике⁹¹.

Во введении к манифесту издание этого закона мотивировалось тем, что «благородные мысли вкоренились» в сердцах всех дворян, которые сами охотно служат государству. Проводимая Петром I и его преемниками политика принуждения дворян к службе и учению в России и за рубежом во имя процветания государства дала свои плоды. В армии и учреждениях России имеется достаточное количество знающих свое дело чиновников и офицеров. Поэтому для государства отпада необходимость принуждать дворян к службе. При выходе в отставку они награждались новым рангом, если прослужили в прежнем чине не менее года. Дворяне получили право жить за границей и посыпать туда учиться своих детей. Абсолютный монарх обещал хранить вольности дворян и призывал их добровольно служить государству и приобретать необходимые для этого знания. Однако государство не разрешало давать отставку тем дворянам, которые служили в армии солдатами. Чтобы получить «абшиц», им полагалось иметь обер-офицерский чин или прослужить не менее 12 лет солдатом⁹².

С изданием манифеста 18 февраля 1762 г. абсолютизм удовлетворил одно из важнейших требований дворянства. Отмена обязательности государственной службы для представителей привычного класса подводила черту под теми законодательными актами абсолютной монархии, которые юридически закрепляли ликвидацию условного характера землевладения и прекращение типичной для феодализма «службы с земли». После издания указа 1714 г. о единоподследии, оформившего слияние поместья с вотчиной, обязательная служба дворян государству стала перенесена. К тому же все офицеры армии и чиновники гражданских учреждений с конца первой четверти XVIII в. стали получать не поместное и натуральное жалованье, а денежный оклад, что в целом было характерно для

⁹¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 216—220, 237—240, 250—252.

⁹² ПСЗ, т. XV, № 1144.

буржуазного государства. Манифест 18 февраля 1762 г. ликвидировал этот сословный пережиток для дворян. В результате государственная служба дворян стала превращаться из обязанности в привилегию дворянского класса занимать все важнейшие должности в Российской империи²².

Ликвидация обязательности государственной службы дворян, в условиях усилившейся тяги членов «благородного» сословия в свои поместья для занятий хозяйством, открывала более благоприятные возможности различинцам для проникновения в государственный аппарат и получения дворянского достоинства. Чтобы предупредить такие нежелательные для дворянского государства последствия, правительство в 60-х годах XVIII в. приняло ряд мер, которые должны были повысить заинтересованность дворян в государственной службе.

Поскольку такие критерии, как личные заслуги и знания, даваемые человеку образованием и опытом, постоянно приходили на практике в столкновение с формально-уравнительным принципом выслуги, правительство, руководствуясь более широко понимаемыми интересами всего государства, стало отдавать предпочтение «достоинству» чиновника, т. е. его заслугам и способностям. Так, 16 августа 1760 г. Елизавета Петровна издала указ, по которому «репнно и верно тружающихся чинами и жалованьем не по одному только старшинству, но и по достоинству награждать повелено»²³. Два года спустя Екатерина II почти дословно повторила эту мысль в указе Сенату о том, чтобы «нижние порожние места частю наполнить достойными и способными людьми, частью же к наполнению е. и. в. представить, наблюдая прямое достоинство и заслуги, а не старшинство»²⁴. Выдвижение на первый план заслуг, «достоинства» чиновников было связано с проводимой новой императрицей политикой обновления высшего и среднего звеньев бюрократии, занимавших руководящие должности в государственном управлении. Юридическое закрепление «заслуги» как главного критерия продвижения чиновников по службе подводило «законную основу под действия правительства Екатерины II, удлинившего неугодных вельмож»²⁵.

Однако последующие распоряжения правительства по этому вопросу свидетельствуют о том, что оно не собиралось отказываться от выслуги как главного критерия при повышении чиновников. 24 июля 1762 г. Екатерина II приказала Герольдмейстерской конторе ежегодно в январе представлять списки чиновников по всем учреждениям, чтобы награждать наиболее отличившихся на служ-

²² Ю. В. Гоголь. Указ соч., т. II, стр. 164; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XIII. М., 1965, стр. 603—604 (комментарий С. М. Капитанова).

²³ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, ин. 525, лл. 10—11 об.

²⁴ Там же, ин. 523, л. 673.

²⁵ В. О. Ключевский. Сочинения, т. V. М., 1958, стр. 334—335; В. А. Бильбазов. История Екатерины Второй, т. 2. СПб., 1891, стр. 211.

бе лиц⁷⁷. 3 марта 1763 г. был издан указ о введении для всех чиновников России аттестатов о службе, чтобы правительство имело более объективные критерии для повышения в должности служащих государственного аппарата⁷⁸. Затем правительство утвердило формуляр послужного списка чиновников, представляемых для награждения⁷⁹.

Для усиления контроля за работой государственного аппарата и упорядочения замещения вакантных должностей Екатерина II распорядилась каждые полгода присыпать в Герольдмейстерскую контору Сената из всех учреждений России списки чиновников, содержащие сведения о прохождении ими службы. 7 февраля 1764 г. она приказала Сенату и остальным учреждениям Российской империи составлять журналы, в которых бы регистрировались вся деятельность и поведение чиновника со времени поступления на государственную службу вплоть до выхода в отставку или перехода в другое ведомство. В них следовало «присовокуплять... с каким кто достоинством и особливом заслугой или же напротив того пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден, исправлен или наказан». При переводе чиновника в новое учреждение туда пересыпалась выписка из журнала о прохождении службы. По этому же указу чиновники получили право представлять «особливые персональные аттестаты от главных командиров». С помощью разного рода аттестатов, полагала Екатерина II, «всё открыты будут прямые достоинства, заслуги и добре поведение всех в статской службе обретающихся людей»⁸⁰. Этими указами правительства Екатерины II были укреплены основы бюрократического порядка продвижения людей по службе, которые были характерны для деятельности всего государственного аппарата царской России.

Сохранился любопытный документ, показывающий, как эти принципы осуществлялись правительством на практике. Вводя новые штаты учреждений с 1 января 1764 г., Екатерина II поручила сенатору И. И. Неплюеву, старому, опытному и образованному синовнику, представителю младшего поколения «птенцов гнезда Петровых», провести проверку пригодности чиновников высшего разряда к выполнению своих обязанностей в соответствии с занимаемой ими должностью.

Герольдмейстерская контора Сената представила Неплюеву сведения о службе членов присутствий коллегии, канцелярий и контор, включая ассессоров. В своей записке он отметил, что из чиновников, по его мнению, не соответствует занимаемой должности. Всего таких людей в его списке оказалось 17 чел. Двух чи-

⁷⁷ ПСЗ, т. XVI, № 11625.

⁷⁸ Там же, № 11769. Фактически аттестаты чиновникам существовали и ранее (ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, ин. 441, лл. 470—472 об.).

⁷⁹ ПСЗ, т. XVI, № 11772.

⁸⁰ ПСЗ, т. XVI, № 12030, 12134; ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, ин. 524, лл. 253—254 об.

новников — надворного советника Л. Василенского (Юстиц-коллегия) и коллежского советника И. Крока (Камер-контора лифляндских и эстляндских дел) — Неплюев забраковал из-за старости и предложил заменить более молодыми и способными людьми¹¹¹. Пять чиновников, по мнению Неплюева, были «неспособны» занимать свои должности «за показанными немалыми пороками», как он деликатно называл хроническое пьянство: это были асессор В. Морозов, надворный советник А. Клестов (Юстиц-коллегия), асессоры И. Гридикин, А. Лодыженский, надворный советник А. Балк (Главная соляная контора)¹¹². Пятеро других сановников были «неспособны», потому что «дела не знают». Среди них оказались Д. И. Кочетов, президент Камер-коллегии — главного финансового учреждения России, вице-президент А. Шувалов и советник И. Баранов (Ревизион-коллегия), асессор Штатс-конторы С. Каргитов и полковник Сацышев (Петербургская губернская канцелярия). Непригодными для занимаемой должности считал Неплюев и тех трех чиновников, которым была дана тоже отрицательная оценка: «репутации за дельного человека не имеет» (президенты Юстиции и Ревизион-коллегий Б. Ф. Щербачев и Ф. Кнютов, обер-президент Главного магистратса Ф. П. Квашнин-Самарин)¹¹³. Подобная оценка Неплюева была вызвана тем, что названные чиновники недостаточно знали порученное дело и не имели качеств, необходимых для руководителей важных отраслей государственного управления. Из этих 15 чел. лишь двое имели образование (Квашнин-Самарин и Щербачев). Хотя исполняющий обязанности президента Берг-коллегии князь А. Мещерский и обладал качествами администратора, но его Неплюев советовал Екатерине II перевести «в другое место за незнанием той науки». По этим же соображениям был «неспособен» надворный советник Камер-коллегии П. Бекман, «излишней по статусу», и тому же еще он перешел в это учреждение «из Медицинского факультета, да и недавно»¹¹⁴.

Зато деятельность других чиновников получила положительную оценку Неплюева. Среди них, например, были статский советник А. Шишкин и 64-летний вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел Ф. И. Эмме, типичный чиновник-служака, который за 42 года службы обруслел, получил дворянство и вотчины. Неплюев полагал, что они оба способны быть президентами коллегий¹¹⁵. Если эти чиновники годились для повышения в должности вследствие огромного опыта, то Ф. М. Старой-Милюков и А. Шамшев имели для этого основания «по науке»: они оба в 1724—1726 гг. ездили вместе с В. Н. Татищевым изучать горное дело в Швеции, а затем почти 40 лет служили инженерами на

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 370, д. 23, лл. 3 об., 6. Ю. В. Готье относит «Мнение» И. И. Неплюева к концу 1763 — началу 1764 г. (указ. соч., т. II, стр. 187, прим. 6).

¹¹² ЦГАДА, ф. 370, д. 23, лл. 5 об., 6, 16 об., 17.

¹¹³ Там же, лл. 4 об., 9, 19 об.

¹¹⁴ Там же, лл. 3 об., 12.

¹¹⁵ ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 3, лл. 1152—1152 об.; ф. 370, д. 23, лл. 6, 9.

русских заводах и в Берг-коллегии. Старой-Милюков, по мнению Неплюева, мог бы занять место вице-президента Берг-коллегии¹⁰⁶.

Таким образом, во всех приведенных нами случаях переаттестации руководящих кадров на первое место Неплюев, видный государственный деятель XVIII в., обладавший широким кругозором, ставил деловые качества чиновников, наличие у них специальных знаний.

Однако повышение чиновников за заслуги постоянно вызывало недовольство основной массы бюрократии, с чем приходилось считаться абсолютной монархии. Так, даже генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, желая назначить обер-секретарем Первого департамента Сената молодого и способного чиновника С. Акчюрина, должен был учитывать имеющуюся «очередь»: по стажу службы на эту должность имели право надворные советники В. Флеров и С. Шешковский. Поскольку Флеров был для такого поста стар, а Шешковский находился «при особых в. и. в. делах, от которых ево отлучить не можно», то генерал-прокурор предложил одновременно с Акчюриным повысить обоих служак, «дабы не могли они по сему случаю понести обиды, когда мимо другой обер-секретарь определен будет». Флерова назначили товарищем киевского вице-губернатора в ранге коллежского советника, Шешковскому дали чин обер-секретаря Сената¹⁰⁷.

Интересы государства постоянно приходили в столкновение с формально-уравнительным принципом замещения должностей в аппарате управления в зависимости от личной выслуги. Так, когда А. А. Вяземский решил определить в протоколисты Первого департамента Сената к генерал-прокурорским делам переводчика Академии наук В. И. Крамаренкова и сенатского канцеляриста С. П. Колосова, то это назначение вызвало протест сенаторов. Они спрашивали генерал-прокурора о причинах нарушения установленного порядка, так как «указами 1719, 1742 и 1764 годов... чрез чин и не по старшинству никого производить не велено... и для чего Сенатской канцелярии служители, имеющие близайшие чины, обходятся?» Сенаторов также беспокоило, что Колосов был из вольноотпущеных крестьян М. И. Сердюкова. В его назначении протоколистом при генерал-прокуроре они усматривали урон дворянскому достоинству. Вяземский свое решение мотивировал тем, что «должность сенатского протоколиста требует отменного знания языка и довольною память с большим прилежанием»; Крамаренкова и Колосова экзаменовали: «оба найдены к сей должности способными». Тогда генерал-прокурор «почтил для пользы службы... более нужную способность, нежели обыкновенное старшинство, оных к определению». Императрица Екатерина II поддержала

¹⁰⁶ См. о них ЦГАДА, Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 394—394 об.; ч. 3, лл. 1179—1180; ф. 370, д. 23, лл. 12, 13; А. И. Юхт. Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724—1726 гг.).—«Исторические записки», т. 88. М., 1971, стр. 320—321.

¹⁰⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 3744, л. 1 и об.

точку зрения Вяземского, получившего право привлекать в канцелярию Сената служителей «по способности»¹⁰⁸.

Введение аттестатов далеко не всегда позволяло государству выявлять действительно дельных чиновников, ибо проверка их деловых качеств осуществлялась чисто бюрократическими приемами. Приведем лишь один типичный пример.

12 марта 1764 г. товарищ воеводы Суадальской провинции титуллярный советник дворянин Т. И. Болотников подал в Сенат челобитную с просьбой дать ему чин коллежского асессора и оставить в прежней должности. Болотников 20 лет прослужил в гвардейском Преображенском полку, начав карьеру солдатом, затем в чине титуллярного советника был в Дворцовой конюшенной канцелярии, а с 1759 г.— товарищем воеводы. В обоснование своей просьбы о новом чине, а также о том, чтобы быть ему товарищем воеводы «бессменно», ловкий, и расторопный чиновник представил два аттестата, каждый из которых подписали по несколько десятков местных помещиков, ходатайство епископа Гениадия и архимандритов пяти монастырей, а также челобитную Суадальского провинциального магistrата, подписанную восемью купцами¹⁰⁹. Хлюпости Болотникова дали нужные результаты, что специально отметил Сенат в своем решении: «Хотя старее его Болотникова того же чину девять человек и есть, однако таких аттестатов, какие он, Болотников, имеет, от них не объявлено, да и представлений о награждении их чинами из тех мест, где они у дел находятся, нет»¹¹⁰.

Приведенный нами материал свидетельствует о весьма относительной объективности представленных Болотниковым аттестатов, ибо он, используя свое служебное положение, получил самые лестные отзывы о своей деятельности у зависимых от него лиц и учреждений. Такие случаи, разумеется, не были исключением. Канцелярист Сибирской губернской канцелярии А. Катин, родом из солдатских детей, добиваясь пожалования в подьячие с приписью, представил 6 аттестатов из учреждений, где он служил¹¹¹.

Чтобы поощрить чиновников, Екатерина II ввела в 1764 г. пенсии для лиц, прослуживших непрерывно 35 лет. Пенсия составляла половину оклада чиновника и назначалась тем служащим, которые при выходе в отставку не награждались следующим чином. Поскольку пенсионный фонд был незначительным (25 тыс. руб. в год), в мае 1765 г. Сенат приказал установить очередь для чиновников, желающих выйти в отставку с пенссией с учетом их выслуги¹¹².

¹⁰⁸ М. М. Штранге. Демократическая интелигенция России в XVIII в. М., 1965, стр. 121—122.

¹⁰⁹ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 523, лл. 315—322 об.

¹¹⁰ Там же, лл. 323 об.—324.

¹¹¹ Там же, кн. 524, лл. 163—165.

¹¹² НСЗ, т. XVI, № 12175, 12398.

Таким образом, издание в 60-х годах XVIII в. правил, упорядочивающих установление сроков выслуги; а также указов, подчеркивающих роль заслуг, личных способностей (введение аттестатов, наградных списков, пенсий и т. п.), должно было, по мнению правительства, улучшить деятельность государственного аппарата, обеспечить выдвижение наиболее способных чиновников. Материальное стимулирование (награды, пенсии и т. п.) должно было создать большую заинтересованность у дворян в государственной службе, особенно после издания манифеста 1762 г.

Мы имеем весьма убедительные свидетельства того, что правительенная политика «приохочивания» дворян к службе давала свои плоды. Стремясь освободиться от более тяжелой военной службы, дворяне в соответствии со 2-й статьей манифеста 1762 г. выходили в отставку, получив очередной офицерский ранг, прослужив всего год в том или ином чине, а затем поступали в «статские» учреждения. Это было явным нарушением закона, так как тем, кто выходил в отставку и шел на службу в гражданские учреждения, следующий ранг давался в армии лишь после трех лет пребывания в одном чине. В результате таких незаконных поступков, писал Сенат в докладе Екатерине II 11 марта 1773 г., дворяне «у равных с ними статских чинов по воинскому чину берут председание». По Табели о рангах следовало давать преимущество воинским чинам, но оно распространяется на обер- и штаб-офицеров, пока они служат в армии. Такие отклонения от закона ущемляют также права тех дворян, которые сразу заявили о своем желании уйти из армии в гражданскую службу и поэтому служили три года в полках, чтобы получить следующий ранг¹¹².

От служивших в армии дворян не отставали их собратья, находившиеся в гражданских учреждениях. Воспользовавшись манифестом о вольности дворянству и указом Екатерины II от 14 марта 1765 г., представители «благородного» сословия выходили в отставку, получали повышение в ранге, а затем снова поступали на службу и обгоняли в чинах и наградах остальных чиновников.

Чтобы пресечь такую незаконную практику, сводящую на нет все правительственные распоряжения об упорядочении чинопроизводства, сделанные в 60-х годах XVIII в., Сенат предложил строго соблюдать 2-ю статью манифеста 18 февраля 1762 г. об увольнении офицеров из армии в отставку. Кроме того, следовало «вступающим в статскую службу, хотя бы и с воинскими чинами, считать к произхождению с статскими наряду» с момента поступления в гражданские учреждения. Для тех дворян, кто вышел в отставку с новым чином, прослужив в армии год, счет старшинства вести с гражданскими чиновниками после двух лет. В тех случаях, когда штатский чиновник получал новый ранг при выходе в отставку, а затем возвращался на службу, их выслугу не считать до тех пор, «покуда все те, кои до увольнения их от служ-

¹¹² ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 68—69.

бы в одном с ними ранге старее их бывшие поступают в чины». Если чиновник вторично выйдет в отставку, то новый ранг ему не давать до тех пор, пока все находящиеся на службе не сравняются с ним¹¹⁴.

Административные реформы правительства Екатерины II, проведенные в первые годы ее правления, привели к значительному изменению номенклатуры должностей в Табели о рангах, а также их размещению по классам. В 1766 г. Сенат просил императрицу утвердить новую Табель, не меняя содержания статей этого закона. Необходимость издания новой Табели Сенат мотивировал также тем, что «в настоящее время для произведения статских и вступающих в статскую службу некоторых чинов не достает». Поэтому он предложил ввести новые чины: надворного асессора (9-й ранг), титулярного асессора (11-й ранг), коллежского и городового комиссаров (12-й и 14-й ранги)¹¹⁵. К докладу Сената была приложена Табель о рангах, в которую Герольдмейстерская контора внесла все дополнения, сделанные за 45 лет преемниками Петра I. В новый вариант Табели вошло 33 должности канцелярских служащих различных рангов, 10 — служителей Академии художеств, по 9 — чинов горного ведомства, полиции и преподавателей Кадетского корпуса.

Наибольшее пополнение Табели о рангах произошло после введения в 1764 г. новых штатов центральных и местных учреждений Российской империи. Одной из целей правительства при этом было укрепление местных органов управления, которое подверглось наибольшей ломке и сокращению при преемниках Петра I. Новые штаты расширили состав канцелярий губернских провинциальных и уездных канцелярий за счет включения в них должностей чиновников, имеющих обер-офицерские ранги. Если ранее воеводскую канцелярию в уезде возглавлял подьячий с приписью, то теперь его заменил городовой секретарь в ранге прaporщика (14-й класс). Во всех провинциях появилась должность протоколиста, в губернских — переводчиков (14-й класс). В 1763—1766 гг. было увеличено количество должностей «канцелярского штата» (регистраторы, протоколисты, переводчики и др.) в Синоде, Канцелярии артиллерии и фортификации, Главной провинцской канцелярии, учреждены должности секретарей в местных конторах Главной солиной конторы, экзекутора — в Синоде и Коммерц-коллегии¹¹⁶ и т. д. Усиление правительственного контроля за деятельностью центральных и местных учреждений привело к появлению должности прокурора в Главном магистрате, Главном комиссариате, Главной провинцской канцелярии (6-й класс), в провинциях (7-й класс)¹¹⁷. В целом увеличение числа должностей чиновников, обслуживающих в учреждениях делопроизводство, отражало рас-

¹¹⁴ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 69 об.—70 об.

¹¹⁵ Там же, ч. 7, лл. 82—86 об.

¹¹⁶ Там же, лл. 94, 96, 99, 99 об.—101.

¹¹⁷ Там же, лл. 93, 95.

тушую бюрократизацию государственного аппарата. Большая часть их была включена в низшие классы Табели о рангах.

При учреждении в 1764 г. Академии художеств в России правительство назначило архитекторам офицерские ранги. Президенту Академии художеств был пожалован чин 4-го класса (генерал-майора), ректору — 6-го класса (полковника), адъюнкт-ректорам — 7-го класса (подполковника). Профессора живописи, скульптуры и архитектуры, а также конференц-секретарь Академии художеств имели чины 8-го ранга¹¹⁸. Их чины были на два ранга выше, чем у профессоров Академии наук и Кадетского корпуса.

Сенат намечал также наделение обер-офицерскими рангами архитекторов, которых следовало разделить на три класса, соответствовавших чинам 8—10-го рангов Табели о рангах, и введение должностей архитекторских помощников «четырех классов (10—14-й ранги), а также мастеров живописи и скульптуры (14-й ранг по Табели). Среди художников, скульпторов и архитекторов преобладали разночинцы. Наделение их обер-офицерскими рангами превращало потомков «подлых людей» в дворян. Поскольку учениками художников и архитекторов являлись разночинцы, то их, а также «всех ремесел и рукоделий» мастеров, подмастерьи и учеников не полагалось включать «в классы». Однако, чтобы выделить их из «подлого народа» и повысить заинтересованность в службе государству, Сенат предлагал Екатерине II мастерам давать на звания листы с печатью «за судейским званием», разрешить «за их искусство», носить шапки, «подлыми штрафами не наказывать, а иметь к ним уважение, сходное с полагаемыми в классы художниками»¹¹⁹. Эти предложения Сената свидетельствовали о стремлении абсолютной монархии подвергнуть бюрократизации формирующуюся интеллигенцию, включить ее в государственный аппарат.

Екатерина II включила в Табель о рангах должности чиновников, ведавших казенными заводами: главного командира и берггравта при Гороблагодатских и Камских заводах (5-й и 7-й ранги), обер-бергмейстера (7-й ранг), обер-гитеинферьальтера и бергмейстера Колывано-Воскресенских заводов (8-й ранг), а также механика, маркшейдера (10-й ранг), надзирателя при Гороблагодатском горном начальстве (14-й ранг)¹²⁰ и др.

По новому уставу Кадетского сухопутного корпуса 1762 г. в Табель о рангах были также включены должности «директора наук» (7-й ранг), «инспектора по обучению кадетов гражданского звания» (8-й ранг), профессора в чине капитана (10-й ранг), воспитателя и его помощника, эконома (11—12-й ранги), помощника эконома (14-й ранг)¹²¹. Наконец, в Табель о рангах вошли некото-

¹¹⁸ Там же, лл. 92, 94, 96.

¹¹⁹ Там же, лл. 83—85.

¹²⁰ Там же, лл. 92, 95, 97, 102.

¹²¹ Там же, лл. 95, 96, 97, 98, 99, 102.

рые новые административно-полицейские должности: квартиргермайоры, а также бранд-майоры при Главной полицмейстерской канцелярии в Петербурге и ее конторе в Москве (8-й ранг), обер-провиантмейстер и провиантмейстеры при хлебных магазинах (8-й и 10-й ранги) и др.¹²² Утверждение новых штатов учреждений сопровождалось повышением на один класс должности герольдмейстера, которого приравнивали к чину генерал-майора армии (5-й ранг)¹²³.

Таким образом, предложения Сената предусматривали внесение некоторых изменений и дополнений в Табель о рангах — основной закон, которым руководствовались все учреждения Российской империи при назначении чиновников. Их реализация отвечала интересам абсолютной монархии, так как при этом упорядочивалось продвижение чиновников по служебной лестнице, в которое вносились корректизы.

Характеризуя изменения в Табели о рангах в 40—60-х годах XVIII в., В. А. Евреинов правильно обратил внимание на то, что в это время заметился разрыв между «рангом» и «должностью», или «чином». Если по Табели о рангах иерархия между должностями и чинами выражалась в 14 рангах, то к середине XVIII в. получает развитие практика награждения чиновников более высокими рангами при сохранении в прежней должности, чего не было ранее¹²⁴. Так, например, воевода Ладоги титулярный советник И. Мысоедов в 1755 г. был пожалован в ранг коллежского асессора «с старшинством как титулярный советник», и оставлен на прежнем месте¹²⁵. В 40-х — начале 60-х годов XVIII в. должность генерал-рекетмейстера (5-й ранг) занимал И. И. Дивов, которого в 1748 г. пожаловали в генерал-майоры (4-й ранг), а в 1765 г. — в тайные советники (3-й ранг). Должность генерал-адъютанта (6-й ранг) при Екатерине II занимали фельдмаршалы А. Г. Разумовский и А. Б. Бутурлин (1-й ранг), генерал-фельдцейхмейстер Г. Г. Орлов, генерал-поручик А. Г. Орлов (2-й ранг)¹²⁶ и т. д.

Учитывая сложившуюся практику, Сенат пытался узаконить разрыв между должностью и рангом и установить срок пребывания в одном чине. В 1755 г. он проектировал повысить на один ранг всех чиновников государственных учреждений, получивших обер-офицерские чины до 1745 г., и оставить на прежних должностях¹²⁷. В 1760 г. Сенат снова повторил свое предложение о повышении на один ранг всех чиновников, которые служат в одном чине более 10 лет¹²⁸. Наконец, в 1767 г. правительство Екатерины II установило семилетний срок пребывания в чинах одного

¹²² ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 9, лл. 95, 97.

¹²³ Там же, лл. 91 об.—92.

¹²⁴ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 50—51.

¹²⁵ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 16, л. 123.

¹²⁶ Там же, ч. 7, лл. 103 об.—104.

¹²⁷ ЦГАДА, Герольдмейстерская контора, кн. 442, л. 54.

¹²⁸ ЦГАДА, Госархив, XVI р., д. 168, ч. 2, лл. 519—538.

класса, после чего чиновников разрешалось награждать следующим рангом¹²⁹.

Таким образом, получение новых рангов стало наградой чиновникам за выслугу, но не влекло автоматического повышения в чинах и должностях. Пожалование придворными чинами тоже приобрело характер особой почетной награды для высшей военной и гражданской бюрократии.

* * *

В 20—60-х годах XVIII в. правительство развивало и совершенствовало нормы чинопроизводства Табели о рангах, гибко приспосабливаясь к изменяющимся условиям. Рост потребностей государства, усложнение его функций повлияли на изменение и пополнение номенклатуры должностей государственного и придворного «стата». При этом произошло повышение классов отдельных должностей, что объяснялось, с одной стороны, ростом аппарата управления, дифференциацией его отраслей, с другой — борьбой правящих группировок за власть, во время которой правительство наделяло своих приверженцев более высокими рангами.

В условиях обострения противоречий внутри класса феодалов правительство неоднократно изменяло порядок чинопроизводства офицеров в армии, что затрагивало также и интересы гражданских чиновников. Но, несмотря на отдельные колебания, в целом абсолютная монархия сохраняла в 20—60-х годах XVIII в. личную выслугу как главный критерий при продвижении чиновников по лестнице чинов. С середины XVIII в. правительство стало несколько больше уделять внимания заслугам, способностям, образованию чиновников, что нашло отражение в указах 60-х годов XVIII в. Однако и при этом государство требовало все отступления от принципа выслуги совершать только с санкции верховной власти, сообщая, «что старше их в командах находится».

Издав указы 1762—1767 гг., правительство Екатерины II стремилось усовершенствовать применение этих критерии, сочетая материальные и моральные стимулы для чиновников, при усилении контроля центральной администрации за их применением. С этой целью для чиновников были введены пенсии, наградные списки, attestаты и журналы о прохождении службы, установлен 7-летний срок пребывания чиновника в одном ранге.

Рост экономического и политического влияния дворян, успешно добивавшихся юридического оформления своего привилегированного положения в обществе, привел в 1762 г. к отмене обязательности государственной службы представителей сословия

¹²⁹ В. А. Евреинов. Указ. соч., стр. 51. Для чиновников Сибирской и Иркутской губерний в 1765 г. был установлен 6-летний срок пребывания в каждом чине, учитывая отдаленность и слабую заселенность этого края (ПСЗ, т. XVII, № 12524).

феодалов, «Раскрепощение» дворянского сословия открывало более благоприятные возможности для проникновения в государственный аппарат разночинцев. Чтобы этого не получилось, государство указами 1762—1763 гг. ввело законодательные ограничения при замещении должности секретаря с учетом сословной принадлежности человека (установление 8-летнего срока пребывания чиновника в должности канцеляриста для награждения его обер-офицерским рангом). Тем самым было значительно ограничено действие указа Петра I от 31 января 1724 г., разрешавшего назначать на должность секретаря выходцев из низов и уравнившего их в правах с разночинцами, служившими в армии и становившимися дворянами по достижении первого обер-офицерского чина. Подобные меры правительства в конце 50—60-х годах XVIII в. были тесно связаны с усилением сословно-дворянского характера внутренней политики абсолютной монархии.

- Нарышкин А. Л., боярин, действительный тайный советник, сенатор 344
 Нарышкин Л. А., камер-юнкер 353
 Нарышкины, бояре и дворяне 362
 Наумов С. Г., полицмейстер г. Никоного Новгорода 203
 Небогатов И., канцелярист 308, 346
 Невежин Д. И., статский советник «при генерал-прокурорских делах» в Сенате 205, 258, 263, 266, 283, 304
 Невежины, дьяки 205
 Неверов И., разночинец 183
 Неверовы, служилые люди 183
 Неплюев И. И., сенатор, оренбургский губернатор 145—147, 260, 284
 Неронов В., асессор Камер-коллегии 185
 Неростов И., владимирский купец 361
 Несвицкие, кн. 217
 Несторов А., обер-фискал 325
 Нечаев Н. В. 268
 Нечаев С. С., регистратор Юстиц-коллегии 207
 Никитин Б., обер-секретарь Адмиралтейской коллегии 212
 Никитин М., подканцелярист Мосальской воев. канц. 249
 Никитин О. М., купец, затем подканцелярист 249
 Никифоров И. А., тов. губернатора Лифляндской губ. 260
 Никифоров И. Л., тов. московского губернатора 190
 Никифоров Л. А. 51, 76, 108
 Николай I, император 117
 Никонов В. А. 201
 Нитар-Дорджи, калмыцкий тайша 229
 Новиков Н. И. 184
 Новиков П., правитель кн. Меншикова 341
 Новоселов Б. И., рейтар 238
 Новоселов Д. Б., монастырский иречистинин 238
 Новоселов И. Д., коллежский регистратор 238, 239
 Новоселовы, разночинцы 238
 Новосельский А. А. 320, 321, 325
 Новосильцев В. Я., сенатор 198
 Новосильцев И. В., советник Берг-коллегии 198
 Новосильцев Н. Н., член Негласного комитета 317
 Новосильцев Ф. В., асессор Монетной канц. 198
 Новосильцы, стольники, дворяне, воеводы 198
 Норов, полковник, член присутствия Адмиралтейской коллегии 90
 Носов Е., калужский купец 340
 Носов Н. Е. 224
- Оболенские, кн. 217
 Обресков А. М., дипломат 259, 266, 292
 Обухов И., воевода Шуйской воев. канц. 247
 Овцын Е., разночинец 183
 Овцын И., разночинец 183
 Одоевская Д. Я., княжна 245
 Одоевские, кн. 350
 Одоевский В. Ю., кн., полковник 350
 Одоевский И. В., кн., статский советник, сенатор 217, 348, 350
 Одоевский М. Н., кн. 245
 Одоевский М. Ю., стольник 250
 Оловениников В. Д., провинциальный секретарь 196
 Оловениников Д. Л., тов. воеводы Орловской пров. 196
 Оловениников И. В., конюх Герольд-мейстерской конторы 196
 Оловениников П., думный дьяк 196
 Олсуфьев А. В., статс-секретарь 168, 259, 291
 Олсуфьев В. Д., обер-гофмейстер 166
 Олеуфьев М., придворный Екатерины I 334
 Ольминский М. С. (Александров М.) 13
 Опочинин М. С., президент Берг-коллегии 197, 211, 258
 Орлов А., секретарь Канцелярии от строений 329
 Орлов А. Г., гр., генерал-поручик 152
 Орлов Г. Г., гр., генерал-фельдцейхмейстер 152
 Осташев Н., поручик лейб-гвардии Семеновского полка, затем вице-президент Надворного суда 121
 Осташев Ф. М., подьячий 314
 Остен-Сакены, бароны 217
 Остерман А. И., гр., вице-канцлер, кабинет-министр 48, 50—55, 57, 58, 60—66, 68—82, 109, 110, 121, 122, 125, 126, 218, 241, 256, 305, 349
 Остапов Б. И., дьяк 232
 Остапов В. М., надворный советник 232
 Остапов И. М., сын Остапова М. К. 232
 Остапов М. К., обер-секретарь Синода 232